

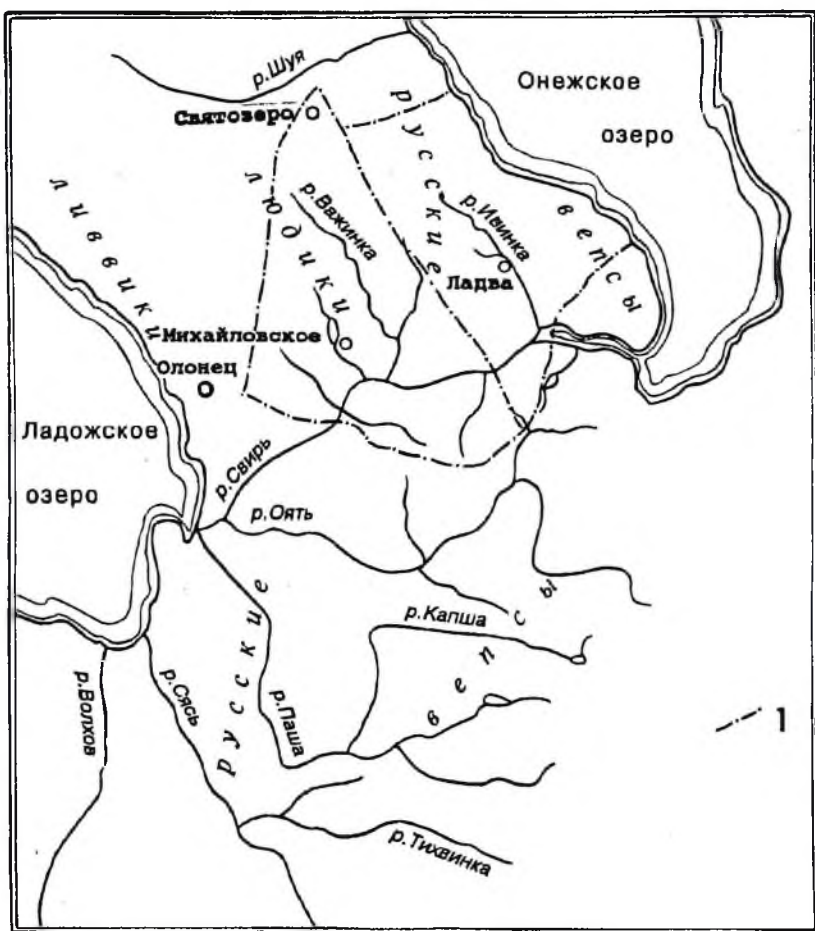
ВЕПССКО-КАРЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ В ТОПОНИМИИ СЕВЕРНОГО ПРИСВИРЬЯ

Географические названия в силу целого ряда причин, связанных со специфической природой топонимов – их системностью, хроно-

логической и географической приуроченностью топонимных моделей, устойчивостью во времени и т.д. – обладают большим этноисторическим потенциалом. Чрезвычайно привлекательна идея использования топонимного материала для реконструкции процессов, происходивших в зоне этнических контактов.

Ниже представлены некоторые наблюдения над топонимией региона Присвирья. Основным материалом послужил свод "Гидронимия бассейна реки Свири" (составители И.И.Муллонен, И.В.Азарова, А.С.Герд). Он включает в себя около 10 тысяч гидронимов Присвирья – названий рек, озер, ручьев, болот, а также их частей (озерных и речных заливов, омуты, водовороты, мест ловли рыбы, речных порогов, отдельных участков болот и т.д.). Составление подобных каталогов по отдельным речным бассейнам традиционно для славянской топонимики. Своеобразие бассейна Свири в том, что помимо русской гидронимии здесь широко бытуют в местах расселения вепсов и карел-лудиков (см. карту 1) прибалтийско-финские (карельские и вепские) названия. Материал свода удобен для целей ареального исследования, поскольку он расположен в гидрографическом порядке, от верховий к низовьям реки и соответственно каждого ее притока, что позволяет проследить ареалы распространения определенных топонимных явлений.

Река Свирь соединяет два крупнейших европейских озера – Онежское и Ладожское. Она имеет около десятка значительных по протяженности и территории водосбора притоков, наиболее важными из которых являются Оять и Паша. На протяжении тысячелетий Свирь играла важную роль в исторических судьбах российского северо-запада. Она была одним из важнейших участков разветвленной сети водных и водно-волоковых путей, связывавших между собой отдельные территории обширного восточно-европейского Севера. О том, что этот регион активно осваивался с древнейших времен, свидетельствует богатое и разнообразное археологическое наследие в Присвирье, особенно его южных областях. Здесь соприкасались и накладывались друг на друга разные археологические культуры. При этом намечается явная ареальная связь между отдельными границами, устанавливаемыми, с одной стороны, по археологическим, а с другой, по лингвистическим данным [2]. Причем,

Карта 1

1 – границы Важинского и Остречинского погостов

есть основания полагать, что во всяком случае некоторые из этих границ имеют давнюю традицию, повторяясь неоднократно в географически одном и том же месте на протяжении веков и даже тысячелетий.

Наглядным примером может служить граница распространения двух русских адаптационных типов для усвоения прибалтийско-финской (прежде всего, вепской) гидронимной модели с детерминантом *-oja* 'ручей', воплотившейся в таких названиях как *Kivoja*, *Matkoja*, *Vehkoja* и

др. В южном и юго-западном Присвирье вепсский детерминант при русской адаптации топонима сохраняется (ср. *Кивоя, Маткуй, Вехкое*), подвергаясь лишь определенной фонетической обработке. В северо-восточном Присвирье господствует полукалька, возникшая в результате перевода географического термина *-oja* (*Кивручей, Маткручей, Вехкручей*). Граница проходит по среднему течению Свири и четко разделяет Присвирье с севера на юг (карта 2). Она отражает разные этапы древнерусской колонизации Присвирья [7].

Карта 2

1 — границы гидронимных ареалов -ой (-уй, -уя, -ое) и -ручей
2 — топонимы с суффиксом -i

Есть, однако, основания полагать, что в действительности граница, располагающаяся в среднем течении Свири, имеет более древние, чем древнерусское освоение, истоки, т.е. древнерусская колонизация накладывалась территориально на наметившуюся в уже более раннюю эпоху границу. Ее отмечают археологи как границу нескольких хронологически разных археологических культур [9; 2]. Что касается языковых критериев, то отмеченная граница в среднем течении Свири известна русской диалектологии как рубеж, разделяющий две группы северно-русских говоров – Ладого-Тихвинскую и Онежскую. Она имеет и явное прибалтийско-финское топонимное подтверждение: именно к среднему течению Свири привязывается северная точка распространения вепсской -l-овой ойконимии, основной ареал которой располагается в южном Присвирье (карта 2).

Таким образом, на разных хронологических срезах граница располагается на одном и том же участке среднего течения Свири. Для этого существуют причины естественно-географического характера. Именно здесь проходит ландшафтная граница южной и средней тайги. Кроме того, здесь же, в среднем течении Свири, находилась целая серия речных порогов, делавшая верхнее течение реки относительно труднодоступным.

Конечно, основными границами, формировавшими потоки, направления освоения территории, служили сами реки, водные пути, а точнее, водоразделы. Отчетливой границей был водораздел, разделяющий бассейн Свири и бассейн Белого озера. Эта граница подтверждается археологически, она находит и убедительные топонимные подтверждения. В частности, ареал -l-овой ойконимии, отражающий прибалтийско-финское освоение и покрывающий значительную часть территории южного Присвирья, не выходит, однако, за его восточные пределы, на Онежско-Белозерский водораздел. В то же время на востоке, на Онежско-Белозерском водоразделе, значительно богаче по сравнению с Присвирьем представлено субстратное, доприбалтийско-финское наследие в топонимии. Наши подсчеты показали, что если в восточном Присвирье, в верховьях впадающих в Свирь Ояти, Паши и Капши количество вепсских и субстратных лимнонимов (т.е. названий озер) приблизительно равно, то уже на смежной территории Шимозерья, расположенного на Онежско-Белозерском водоразделе, в нескольких десятках километрах от восточной границы бассейна Свири, количество субстратных лимнонимов значительно возрастает. Их примерно вдвое больше, чем имеющих вепсское происхождение.

На юге и юго-западе Присвирья отсутствует такая четкая археологическая и этноязыковая граница как на востоке региона. Это находит объяснение в географических обстоятельствах. Течение рек Волхова, Сяси, Паши, входящих в разные бассейны, таково, что создается благоприятная возможность для перехода из одного бассейна в другой. Этот юго-западный вход в Присвирье был, видимо, в свое время использован

прибалто-финнами – об этом свидетельствует хотя бы общий прибалтийско-финский топонимный фон Сяси, Тихвинки и Паши. Им же позднее воспользовались и новгородские словене. Топонимия Присвирья указывает на то, что русское освоение этого региона проходило поэтапно, волнообразно, распространяясь с юго-запада на северо-восток. Если воспользоваться известной уже картой 2, то на ней эти волны вырисовываются достаточно четко. Первая (-уй: *Кивуй*), самая ранняя, охватывает южную и среднюю Пашу с низовьями Капши, вторая (-ое: *Кивое*, -оя, -уя: *Кивоя*, *Кивуя*) захватила нижнюю Свирь и Оять, а также верховья Паши и Капши, а третья (-ручей: *Кивручей*), наиболее поздняя, распространена в северо-восточном Присвирье. При этом вторая (в южной части) и особенно третья волна – это территория, на которой сохраняются вепские поселения, это регион активного русско-вепского контактирования. Устанавливаемые по данным топонимии границы подтверждаются и материалами русских говоров Присвирья [1].

Остановимся подробнее не северных границах Присвирья. Их формирование и этноисторическая сущность до сих пор специально не рассматривались.

Северное Присвирье, т.е. территория вдоль северных притоков Свири, имеет свою этническую специфику на фоне южного, проявляющуюся в менее интенсивном русском воздействии, а также в присутствии людиковских поселений на некоторых северных притоках Свири (карта 1). В ареальном плане характерно то, что граница бассейна Свири здесь является одновременно и этноязыковой границей, разделяющей ливвиковский и людиковский ареалы. Хотя ливвиковские поселения вплотную подходят к верховьям северных притоков Свири, их все же нет в бассейне реки. Это географическое обстоятельство отражает интенсивность как карельского, так и вепского воздействия на разных участках Онежско-Ладожского перешейка.

Карело-вепское контактирование – одна из наиболее интересных проблем северного Присвирья. Несмотря на то, что существуют некоторые лингвистические доказательства былого присутствия вепсов на Онежско-Ладожском перешейке и участия их в формировании языка южной Карелии, в механизме контактирования, его ареале, хронологии, интенсивности на разных участках много неясного. Топонимические критерии до сих пор не использовались в ряду других лингвистических материалов для прояснения данных вопросов. Этому есть свои причины. Топонимические критерии не всегда надежны, когда выявляются ареалы близкородственных в языковом отношении коллективов, причем, в условиях, когда язык одного вошел составной частью в язык другого (а именно так, очевидно, случилось с вепским, перекрытым и поглощенным карельским). Топонимная лексика, т.е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходят в массе своей к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков, и, следовательно, не

обладают способностью дифференцировать языковые коллективы. Это чрезвычайно ограничивает диапазон надежных топонимных оснований, свойственных исключительно вепсской или исключительно карельской топонимическим системам. Сказанное относится и к топонимным формантам, набор которых в целом един для карельской и вепсской топонимии. Вместе с тем даже ограниченные возможности делают из топонимии ценнейший источник этноязыковой истории, ибо географические названия, привязанные к карте, способны реконструировать ареалы распространения определенных языковых явлений в прошлом, пути проникновения отдельных моделей на искомую территорию, а в некоторых случаях и хронологию этих событий.

Ниже сделана попытка представить некоторые факты топонимии, отражающие, с одной стороны, вепсские следы, а с другой – элементы карельской экспансии в северное Присвирье. Эти топонимные факты могут быть расклассифицированы следующим образом:

1. Специфические топонимы, восходящие к оригинальной для каждого из контактирующих языков лексике. В целом их немного – и в силу отмеченной уже идентичности карельских и вепсских топонимных моделей, и вследствие ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топонимов. Но тем ценнее те метки, которые удастся обнаружить.

Очень четкой карельской меткой является карельский географический термин **lambi** 'лесное озеро', неизвестный вепсам¹.

Примечательно в связи с этим его отсутствие в говоре Михайловского, сохранившем целый ряд характерных вепсских особенностей. Из всего северного Присвирья слово представлено в говорах и топонимии р.Важинки, куда оно проникло, очевидно, с севера, с реки Шуи через Святозеро. При этом лексема, видимо, не имеет давней традиции на Важинке, поскольку ее функционирование в топонимии ограничивается только детерминантным употреблением, которое, к тому же, заметно убывает по мере удаления от верховий реки к низовьям. Лексема известна также русским говорам, бытующим в верховьях другого северного притока Свири реки Ивинки: **ламба**, **ламбина** 'небольшое лесное озеро', однако топонимное употребление здесь не зафиксировано. Видимо, на верховья Ивинки слово проникло из расположенных севернее, в бассейне Онежского озера и р.Шуи людиловских поселений. Людиловское прошлое самой Ивинки сомнительно (подробнее об истории заселения Ивинки см. ниже).

В целом можно констатировать, что позиции карельской лексемы **lambi** в лексике и топонимии северного Присвирья достаточно слабы. Это, видимо, отражение былой вепсской традиции, не знавшей соответствующего слова.

¹ В.Ниссиля полагал, что следы бывшего функционирования слова в вепсском языке сохранились в вепсской топонимии [11, s.8]. Однако наши вепсские топонимные материалы, в которых полностью отсутствуют какие-либо достоверные следы этой лексемы, свидетельствуют, скорее, в пользу того, что вепсский язык ее не знал.

Особенно показательны дифференцирующие вепские топоосновы в северном Присвирье. Среди них можно отметить достаточно продуктивную в вепсской топонимии основу *čuhak*, *čuhuk*, свойственную возвышенным участкам местности, ср. наименования горок *Čuhak*, *Čuhuk*, *Čuhakod*, *Čuhakmägi* и др. в вепском южном Присвирье. В другой связи мы писали уже о том, что в топонимах сохранился утраченный вепскими говорами географический термин **čuhak*, **čuhuk* 'холм, горка, возвышенность' [6, с.56–57]. Примечательны в связи с этим *Čuhakmägi* в среднем течении Важинки, а также *Čuukniemi* на Сямозере, представляющие собой очевидный вепсский след в северном Присвирье и даже за его пределами, в восточном Сямозерье.

В топонимии северного Присвирья широко представлено слово *kuar*, *kuare*, причем не только в Михайловском, где слово известно в апеллятивном употреблении в значении 'залив, бухта', но и значительно шире: *Mudakuar*, *Padakuar*, *Kuaranabaj*, *Согинская Кара* (р.Важинка), *Koirankaglankuar*, *Lapilahtenkuar*, *Kuarseig*, *Kuaranmägi* (р.Усланка), *Кара*, *Ледокара*, *Сорцкара* (р.Пидьма), *Кара*, *Карское озеро* (р.Ивинка). Более того, топонимный ареал выходит и за северные границы бассейна Свири, на водораздел рек Свири и Шуи, на южные притоки Шуи. Следы интересующей нас топоосновы сохранились здесь на людиковской территории (Святозеро, Пряжа), в зоне людиковско-ливвиковской границы (дд.Каскеснаволоок, Афанасьева Сельга). Достаточно активное функционирование слова в топонимах, в том числе в качестве детерминанта (ср. в святозерском кусте заливы озера *Kuare*, *Hižkuare*, *Hodarinkuaru*, *Rüumoikuare*) свидетельствуют в пользу относительно недавнего забвения здесь лексемы *kuare*, *kuaru*.

Каковы же истоки слова в людиковских говорах северного Присвирья? Для ответа на вопрос есть смысл рассмотреть лексему на более широком ареальном фоне. Следы ее бытования (в форме *kaarama*, *kuarama*) известны в северо-западном Приладожье [13], однако она не известна ливвикам, отсутствует и в северных людиковских говорах. Складывается впечатление, что в ходе экспансии карел из северо-западного Приладожья на восток географический термин не получил здесь распространения, возможно, в силу малой продуктивности на территории изначального карельского расселения. В таком случае активность его в людиковских говорах северного Присвирья может иметь вепские истоки, ср. вепс. *kar*, *kara* 'залив, бухта', бытующее во всех вепсских говорах, широко распространенное в вепсской топонимии. Из вепсского языка слово проникло в русские говоры (*кара*). Прибалтийско-финская этимология русского диалектного слова *кара* подвергалась в свое время сомнению Я.Калимой, который в качестве аргумента приводил слабую распространенность лексемы-этимона в прибалтийско-финских языках [10]. Однако география распространения русской лек-

семь — это районы, смежные с ареалом проживания вепсов, так что вепсский источник представляется вполне убедительным.

Бытование слова в лексике и топонимии на вепсской (*kar, kara*), людиковской (*kuar, kuare*), русской (*кара*) территории Присвирья имеет, таким образом, единый вепсский исток. При этом, проникая со Свири на Шую, топооснова, однако, в целом слабо представлена севернее в людиковском ареале, где известны лишь некоторые отдельные разрозненные топонимные примеры (*Kuaranguba* в Кончезере, *Mustkuar* в Мунозере). Эти отдельные топонимные проявления, возможно, являются остатками прежнего, ушедшего дальше на север топонимного ареала, который был разрушен карельским вторжением по реке Шуйе на восток, где возобладала лексема *laht, lahti* 'залив'. Другая причина утраты вепсской лексемы могла заключаться в распространении с Онежского озера на запад, по рекам Шуйе и Суне севернорусского географического термина *губа* 'залив' > люд., ливв. *guba*, занимающего сейчас прочные позиции в большинстве людиковских и целом ряде ливвиковских говоров в западном Прионежье. Он характеризуется и активным топонимным употреблением (ср. показательные примеры из дер. Палатозера, расположенной в районе Святозера: *Lotoikuaranguba, Mudakuaranguba, Savikuaranguba*).

2. Еще один критерий для распознавания карельских и вепсских элементов в топонимии — определенные топонимные типы, являющиеся нормой для одной из контактирующих топонимических систем и отсутствующие или малопродуктивные в другой. В отличие от топооснов, восходящих к оригинальной для каждого из контактирующих языков лексике, такие топонимные типы не лежат на поверхности. Поиск их — трудоемкая работа, однако оправданная, поскольку дает наиболее убедительные результаты. Пока что удалось обнаружить только некоторые единичные примеры таких показательных топонимных моделей. Среди них характерная карельская гидронимная модель *Pääjärvi*, свойственная названиям водораздельных, т.е. являющихся началом, истоком водной системы озер (ср. *pää* 'голова', т.е. 'верх, исток'). Как показали наши материалы, она отсутствует полностью в вепсской гидронимии, которая обходится семантически однородными моделями *Ladv-, Matka-, Ylä-, Puhäjärv* (известными, кстати, и карельской гидронимии). В контексте вышесказанного любопытно то, что модель *Pääjärvi* отсутствует в северном Присвирье, хотя представлена на смежной карельской территории, в бассейне Олонки и Шуи. Здесь северное Присвирье сохранило, очевидно, былую вепсскую традицию.

К типовым моделям примыкают метафорические топонимы, в которых отражены дифференцирующие, свойственные лишь определенной топонимической системе метафоры. Из таких вепсских образных топонимов, воплотившихся в северном Присвирье и являющихся, таким образом, доста-

точно надежным вепсских наследием, можно отметить продуктивную на территории южного вепсского Присвирья модель для названий возвышенных участков местности *Kukoihafj*, *Kukoinhafj*, *Kukihafj*, букв. 'петушиный гребень'. В обрусевших районах южного Присвирья известны горки под названием *Кукогорье*, *Кукаръаи*, *Кукоряги*, а также переводные *Петуний Гребень*, *Курий Гребень*. В северном Присвирье удалось обнаружить у людиков на р.Важинке урочище *Kukuoinhard'* (дер.Мошничье). Ареал этого метафорического топонима выходит и за северные пределы бассейна Свири: ср. поле *Kukuenuharda* (Святозеро), урочище *Kukoinharja* на восточном побережье оз.Сямозера. Такая модель, насколько нам известно, не была свойственна карельской топонимии, так что присутствие ее в северном Присвирье при продуктивности в вепской топонимии можно рассматривать как вепское наследие.

3. Теоретически определенную информацию о вепско-карельском взаимодействии на территории северного Присвирья могут нести также такие топонимные суффиксы, которые свойственны исключительно вепской или исключительно карельской топонимии. Надо, однако, иметь в виду, что возможности поиска дифференцирующих топоформантов чрезвычайно ограничены, поскольку суффиксальные образования, во-первых, вообще не получили в прибалтийско-финской топонимии широкого распространения, во-вторых, набор их в целом един для карельской и вепской топонимии. В такой ситуации информативным может оказаться и сам ареал форманта. Таков, к примеру, ареал *-l*-овой ойконимии (т.е. названий населенных мест с суффиксом *-l*) в низовьях рек Усланки и Важинки, на людиковской территории: *Tuošla* (*Tuoškal*), *Pirkia*, *Kinul*, *Sagil*. На вепские истоки их обращал в свое время внимание финский исследователь В.Ниссиля, заметивший, что названия поселений с суффиксом *-l* практически не получили распространения у людиков [11, s.13, 12, s.92]. Каковы же основания в пользу вепских истоков этого типа в северном Присвирье? Ведь *-l*-овая модель широко бытует и у карел, в том числе у ливвиков в бассейне Олонки и Шуи. Однако с последними компактная группа *-l*-овых ойконимов средней Свири не образует единого ареала, в то время как с ливновирскими устанавливается явная ареальная связь (карта 2). Отмеченные несколько названий представляют собой северную окраину достаточно обширного ареала названий на *-l*, располагающегося в южном Присвирье, в местах современного и бывшего расселения вепсов. Ранее нам уже приходилось писать о том, что ойконимы на *-l* ареально связаны с приладожской курганной культурой X–XI вв., сыгравшей значительную роль в формировании вепского этноса. Не исключено, что ливвиковская *-l*-овая ойконимия, особенно в низовьях впадающих в Ладожское озеро Олонки, Тулоксы, Видлицы, т.е. на территории, где также фиксируется приладожская курганная культура, в действительности может иметь единые истоки с южносвирской ойконимией на *-l*. Впоследствии эта модель получи-

ла в ливвиковском ареале мощную поддержку со стороны карельских переселенцев и, благодаря этому, широко распространилась в ливвиковской топонимии и сохранила продуктивность дольше, чем в южном Присвирье. Об этом свидетельствуют характерные для ливвиковской ойконимии на -I об-разования от христианских имен, в то время как в вепсской -I-овой ойконимии представлен исключительно дохристианский (нехристианский) именослов. Эти соображения о генезисе ливвиковской -I-овой ойконимии, однако, оставляют неизменным тезис о южносвирских истоках названий поселений на -I в низовьях Усланки и Важинки – в силу ареального единства с южной Свирью.

В топонимии северного (людиковского) Присвирья не удастся обнаружить убедительных специфически карельских суффиксальных элементов. Есть, впрочем, один топонимный (условно – суффиксальный) факт, который обращает на себя внимание при сопоставлении ливвиковской топонимии с людиковской топонимией северного Присвирья: практически полное отсутствие в последней достаточно продуктивного для ливвиковской топонимии оформления топоосновы показателем *-t*: *Parzit\suo*, *Mägrät\jogi*, *Nuolit\suo*, *Kuhat\sildu*, *Kuivit\suo* и т.д. [4, с. 117–118 и приложение 2]. Назвать его суффиксом можно лишь условно, поскольку он присоединяется к атрибутивной части сложного топонима. В литературе нет однозначного ответа на вопрос о природе и функциях этого структурного элемента, хотя отмечается его связь с показателем множественного числа *-t* [12, с. 79, 4, с. 118]. В ливвиковскую Карелию данный топонимный тип привнесен, очевидно, из юго-западного Приладожья [13, с. 272–274] и является, таким образом, в восточном Приладожье бесспорным карелизмом. В качестве такового он представлен в пограничных с Присвирьем бассейнах Олонки и Шуи, однако не проникает в бассейн Свири. Заметим, что он слабо отражен и в расположенном к северу от Свири людиковском ареале.

Приведенные выше примеры в целом верно отражают лицо топонимии людиковского Присвирья. Если свести их воедино, то можно констатировать ее специфику не только на ливвиковском, но и на северно-людиковском фоне. Здесь представлен целый ряд явлений, имеющих южносвирские вепсские истоки, и в то же время ей чужды некоторые типичные карелизмы. Это не значит, что вепсские признаки отсутствуют полностью в топонимии карельской территории за пределами Присвирья, однако там они менее выражены, обнаружить их сложнее. В Присвирье же вепсские элементы поддерживаются рамками единого водного бассейна. Принцип водных границ, наглядный в южном Присвирье, работает и на севере ареала. На западе границей выступает водораздел между бассейном Свири и бассейном Олонки, на севере – река Шуя. Значительная часть общесвирских изоглосс обрывается при переходе в бассейн Шуи и особенно Олонки. Наоборот, не все карельские изоглоссы с Шуи и Олонки проникают в северное Присвирье.

Впрочем, на определенных участках эти границы оказываются признаваемыми. Некоторые из приведенных выше топонимных фактов свидетельствуют о том, что существовал совершенно определенный путь для распространения присвирского (= вепсского) воздействия на север, в северное Присвирье и за его пределы, в бассейн Шуи. Он шел по Важинке через Святозеро на восточное Сямозеро. Знаменательно, что именно по этой линии проходит на Шуе ливвиковско-людиковская граница. Не исключено, что распространение вверх по Важинке вепсского влияния, отразившегося, в частности, в топонимии, сыграло решающую роль в формировании этой границы, ибо оно выступило своего рода преградой для карельского продвижения вниз по Шуе. Последнее если не приостановилось, то во всяком случае значительно ослабло в низовьях реки.

Целый ряд топонимных изоглосс северного Присвирья, идущих с юга, вписывается в границы средневекового Важинского погоста, западной границей которого является водораздел Важинки и Олонки, а северной – река Шуя. Менее выражена в этом смысле восточная граница, отделяющая бассейн Важинки от бассейна самого восточного притока Свири – реки Ивинки. Идущие с юга изоглоссы объединяют территорию двух средневековых северновисских погостов – Важинского и Остречинского (второй – по р.Ивинке) в единый ареал. Зато граница двух погостов приобретает четкие очертания, когда речь заходит об идущих с запада и северо-запада карельских изоглоссах, которые практически не выходят за ее пределы на восток. Восточная граница Важинского погоста является, очевидно, границей ареала распространения карел на восток в северном Присвирье.

Этнический характер носили, видимо, и границы средневекового Остречинского погоста, в который входила территория бассейна Ивинки, а также территория вдоль юго-западного берега Онежского озера – современный северновепсский ареал. Бассейн Ивинки – это сейчас русская территория, однако мощный вепсский фон дорусской топонимии свидетельствует о бесспорном вепсском прошлом этого района [5, с.87–88]. Оно подтверждается и документально. "Списки населенных мест Российской Империи" 1879 г. фиксируют *чудь* по крайней мере на нижней Ивинке, в населенных пунктах Остречины и Ивина. Если Важинский погост был на определенном этапе истории людиковским, то Остречинский – вепсским. Этому выводу не противоречат некоторые бесспорно карельские топонимы, обнаруживающиеся на Ивинке, в окрестностях с.Ладва: горка под названием *Кеука*, ср. собст.-кар., ливв. *keukkä*, *keukku* 'небольшой холм, пригорок'; *Лехтуручей*, ср.собст.-кар., ливв. *lehto* 'роща'; омут *Матикова Бонга*, ср. собст.-кар., ливв. *matikka*, *matikku* 'налим' (при вепсском *madeh*, *madez*, людиковском *madeh*); дер. *Иломанча* (в составе Ладвы) с характерным собственно-карельским названием и некоторые другие. Перечисленные топонимы не носят аре-

ального характера, а представляют единичные вкрапления, которые, возможно, появились как следствие позднего поселения здесь группы карел-переселенцев с Карельского перешейка. С этим предположением согласуется, между прочим, факт из области ономастики: в писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г. упоминается дер. на Ивине Дорофеевская Корилянинова [8, с.105]. Антропоним Корелянин, Корилянин употреблялся для обозначения выходцев из тогдашнего Карельского уезда.

Предполагается, что границы средневековых погостов восходят к общинно-территориальным подразделениям местного населения, сложившимся не позднее XI века [3, с.74]. Они отражают, таким образом, еще, видимо, докарельский период истории северного Присвирья. Действительно, есть определенные историко-археологические факты, указывающие на неоднородность, на разновременность вепсского заселения разных участков Онежско-Ладожского перешейка. В частности, территория верхней Свири (Остречинский погост) осваивалась позднее (начиная с XIII века), чем Важинский погост [9, с.155]. На это же косвенным образом указывает отсутствие -I-овой ойконимии на верхней Свири. Можно предполагать, что карельское освоение позднее наложилось на сложившиеся уже в предшествующий, вепсский, период границы, и принцип преемственности границ, отмеченный в южном Присвирье, проявляется и в северном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А.С. К истории образования говоров Посвирья // Северно-русские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 134–180.
2. Герд А.С., Лебедев Г.С. 1991 – Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // СЭ. № 1. С. 73–85.
3. Кочуркина С.И. 1973 – Юго-Восточное Приладожье в X–XIII в. Л.
4. Мамонтова Н.Н. 1982 – Структурно-семантические типы микропонимии ливиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск.
5. Муллонен И.И. 1989 – Вепсы Прионежья по данным топонимии // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск.
6. Муллонен И.И. 1994 – Очерки вепсской топонимии. СПб.
7. Муллонен И.И. 1995 – Кивоя и Кивручей: две адаптационные модели в топонимии Присвирья // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск.
8. ПКОП 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.
9. Спиридонов А.М. 1989 – К истории Посвирья: Опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск.
10. Kalima Jalo 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki.
11. Nissilä Viljo 1947 – Kuujärven paikannimistöä // Virittäjä. N 1. S.13–19.
12. Nissilä Viljo 1962 – Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki (SKST 272).
13. Nissilä Viljo 1975 – Suomen Karjalan nimistö. Vammala.